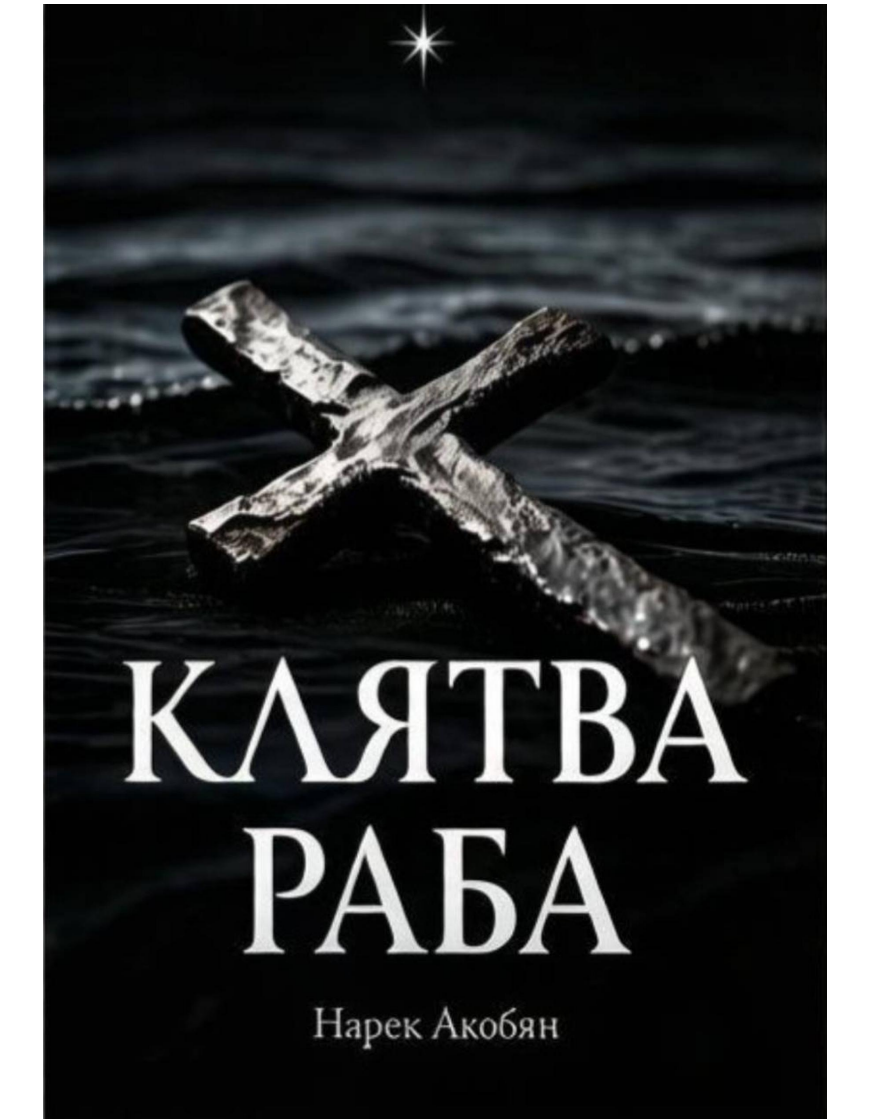

КЛЯТВА РАБА

Нарек Акобян

Нарек Акобян Клятва раба

<https://litres.ru/74418738>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Человек силен только тогда, когда не отказывается от своей правды, а самый слабый — когда не принимает свою ошибку».

Макс никогда не искал ответов — пока одна ночь не перевернула его жизнь. Чтобы спасти друга, он вступает в мир, где правят не деньги, а законы чести и мудрости. Его учитель — человек, который когда-то был рабом и дал клятву о свободе. Он научит Макса тому, что нельзя купить за деньги. Но цена ученичества — сама свобода.

Содержание

Клятва раба	4
Глава 1. Прозрачная ночь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Нарек Акобян

Клятва раба

Клятва раба

© Нарек Акобян, 2026

«Человек силён только тогда, когда не отказывается от своей правды, а самый слабый — когда не принимает свою ошибку».

Макс никогда не искал ответов — пока одна ночь не перевернула его жизнь. Чтобы спасти друга, он вступает в мир, где правят не деньги, а законы чести и мудрости. Его учитель — человек, который когда-то был рабом и дал клятву о свободе. Он научит Макса тому, что нельзя купить за деньги. Но цена ученичества — сама свобода.

Глава 1. Прозрачная ночь

Ночь. Чёрное море дышало. Оно не просто шумело — оно дышало. Медленно, глубоко, как будто прислушивалось к чему-то, что находится далеко за горизонтом, за пределами человеческого понимания. Его дыхание было древним — в нём слышались эпохи, которых никто не помнит, языки, на которых уже никто не говорит. В каждом выдохе таилось нечто невыразимое. Что-то, от чего кровь то бросалась в лицо горячей волной, то отступала, оставляя после себя странный холодок. Что-то, что заставляло сердце сбиваться с ритма и биться в такт с этим древним, безмолвным голосом.

Я стоял у самой кромки воды, там, где море встречается с сушей, и мне казалось — я чувствовал это всем телом, — что море смотрит на меня. Не глазами, не взглядом — смотреть можно по-разному. Оно смотрело своим бескрайним телом, которое то наступало на берег, словно делая шаг мне навстречу, то отступало, оставляя на мокром песке влажные следы. В этих следах, как в тёмных зеркалах, отражались звёзды. Они дрожали там, на границе воды и земли, и мне казалось — они боялись. Боялись, что их утянет обратно, в глубину, откуда нет возврата. И тогда я подумал: человек в такие минуты подобен мокрому песку. Мы тоже храним в себе отражения — лиц, голосов, случайных слов, обещаний, которые не были выполнены. Мы пытаемся удержать

их, но они ускользают, как вода сквозь пальцы. Что-то исчезает бесследно, стирается волнами времени. Что-то остаётся навсегда, въедается в память, как соль въедается в кожу. И только море — это древнее, всё помнящее море — знает, что именно останется, когда нас уже не будет.

Я не знал тогда. Я не мог знать. Что эта ночь станет для меня последней — последней, когда я могу стоять вот так, вдыхать влажный воздух, слушать, как море шепчет что-то на языке, которого я не понимаю. Через несколько часов я буду лежать на мокром асфальте, и пуля будет сидеть в моём плече, а дождь будет смешиваться с моей кровью. Я не знал, что эта ночь разрежет мою жизнь надвое — на «до» и «после», на то, что я был, и на то, кем я стану. А пока я просто стоял. Дышал. Слушал. Просто был — ещё не зная, что это состояние станет самой большой роскошью.

Названия. Я часто думал о них. Названия и слова — кажется, одно и то же, но это обман. Слово всегда больше. Слово глубже, таинственнее. Название — это лишь отпечаток человеческой мысли. Поспешный, иногда небрежный, слишком привязанный к тому, кто его произносит. А слово — это образ мысли какого-то Совершенного, того, кто не торопится, кто знает, что каждое слово имеет вес. Ведь все названия рождаются от слов, как реки рождаются от родников, — но не все слова становятся названиями. Некоторые так и остаются бездомными, бродят по миру, ищут, к кому прийти, в ком обрести свой дом. После всего, что слу-

чилось, меня не отпускал один вопрос. Простой, как удар, — и в то же время неразрешимый, как сама жизнь. Что значит — быть Человеком? С большой буквы. На него должны знать ответ все. Но никто не хочет задавать его себе. Потому что страшно. Страшно остаться наедине с собой — и обнаружить не ответ, а пустоту. Звонящую, тёмную, требующую заполнения. Страшно быть Человеком. Потому что это больно. Это страшно. Это неудобно — для тех, кто привык быть удобным. А быть Человеком — значит перестать быть удобным. Хотя бы для самого себя. Быть Человеком... Быть Человеком — значит любить то, что выше тебя, стараться быть совершенным и одновременно не достигнуть вершины, потому что лишь только совершенство может тебя сделать ещё совершеннее. А достигнуть совершенства — значит не принять тот факт, что есть создание совершеннее тебя. И в этом отказе — тоже человеческое. В этом вечном стремлении вверх, которое никогда не заканчивается, и в этой невозможности признать, что кто-то уже выше, — может быть, и есть вся наша природа.

Я возвращался к этой мысли снова и снова. В те дни — и в дни после. Я думал об этом, когда поднимал голову к небу, когда море шумело у моих ног, когда шёл по ночным улицам и видел, как в окнах загораются и гаснут огни. Каждый из них был чьей-то жизнью. Чьими-то надеждами, чьими-то потерями, чьим-то одиночеством, запертым в четырёх стенах. И я не знал, кто я среди этих огней. Тот, кто светит? Или

тот, кто ждёт, пока кто-то другой зажжёт ему свет? Может быть, я был просто тенью, которая скользит между окнами, не имея своего дома, не зная, куда идти.

Меня зовут Макс. Я никогда не думал, что однажды стану писать о себе. Не в дневнике, не на клочке бумаги, не в книге. Но сейчас моя ручка словно плачет на бумаге — чёрные чернила расплываются, оставляя следы, похожие на слёзы. И она даёт начало. Начало дневнику. Начало той ночи, которая сама дала мне начало — не просто дату, а смысл. Тот смысл, который я искал так долго, не зная, что он будет ждать меня на мокром асфальте, в смеси дождя и крови. Ручка скользит по бумаге, оставляя за собой не просто слова — следы. Как на мокром песке остаются следы человека, который идёт вдоль берега и не оборачивается. Я тоже не хочу оборачиваться. Я хочу идти вперёд, даже если там темно, даже если не видно дороги. Но иногда, чтобы сделать шаг в будущее, нужно сначала вернуться. Пройти обратно по своим же следам. Вернуться туда, где всё началось. Туда, где ночь была прозрачной, как стекло, а море ещё умело говорить со мной — на языке, который я теперь, кажется, начинаю понимать.

В ту одинокую ночь. Ночь, которая смотрела на нас своими жёлтыми глазами — фонарями, выставшими из асфальта, как странные металлические стебли. Они тянулись к звёздам, эти фонари. Для них звёзды были совершенством — недостижимым, холодным, вечным. И они смотрели на них снизу вверх, не отрываясь, как смотрят на то, что никогда не

станет твоим. Но звёзды не смотрели в ответ. Они вообще не смотрели ни на кого. Они просто были. И этого было достаточно, чтобы чувствовать себя ничтожным. Звёзды. Они были глазами ночи, и они видели то, что нам никогда не дано разглядеть. Где бы мы ни были — в городе, в пустыне, на краю земли, — мы всегда слепы по сравнению с ними. Они смотрели на нас сверху, и в их холодном свете было что-то, чего мы не заслуживали. Не потому, что были плохими. А потому, что были слишком маленькими. Они не судили. Они не гневались. Они просто видели — и это было страшнее любого приговора. Потому что перед судьёй можно оправдаться. Перед Богом — покаяться. А перед безмолвным взглядом звёзд нельзя спрятаться. Нельзя солгать. Нельзя уйти от ответа.

А потом ночь закрыла свои светлые глаза. Одна за другой гасли звёзды, будто их задувал невидимый ветер. Тучи навалились на небо — тяжёлые, плотные, и ночь заплакала. Не потому, что ей было больно. А потому, что она видела то, что люди называют ненавистью. Видела, как двое парней лежат на спине на мокром асфальте. Руки раскинуты в стороны, лица обращены к небу, но они уже не видят ни туч, ни звёзд. Они почти не дышат. Они почти не живут. И весь мир показался нам уже перевёрнутым на сто восемьдесят градусов: весь мир, все лампочки на дорогах, все звёзды на небе, вся Земля, всё совершенство — всё теперь лежало не так, как прежде, и мы вместе с ним. Мы едва шевелились под этим

холодным ливнем. Раненые, почти без сознания, мы делали шаг за шагом. И с каждым потерянным миллилитром крови наша дружба становилась крепче — не потому, что мы хотели этого, а потому, что не могли иначе. Кровь смешивалась с дождём, и мне казалось, что сам город истекает вместе с нами. Что асфальт темнеет под нами, впитывая нашу боль, и молчит. Он не жаловался, не кричал, не просил пощады. Он просто пил нашу боль, хранил её в своих трещинах, как хранят тайну, которую нельзя произнести вслух.

Дождь был ледяным, но мы почти не чувствовали холода. Боль притупилась, оставив после себя странную пустоту. Она разливалась по телу медленно, как будто кто-то внутри нас выключал свет — комнату за комнатой, этаж за этажом. Я слышал своё дыхание — хриплое, рваное, похожее на звук, который издаёт бегущий, забывший, от чего и зачем он бежит. А рядом со мной дышал Слава. Тихо. Почти неслышно. И каждый его выдох был слабее моего. И от этого становилось страшнее, чем от самой пули, чем от самой смерти.

— Брат... — голос Славы был чужим, почти детским. — Помоги... Где я? Его руки дрожали. Мелко, часто, как у человека, который пытается согреться в лютый мороз. Он лежал на асфальте, прижавшись щекой к мокрому камню, и вдруг резко поднял голову. Посмотрел мне в глаза — и я увидел в них страх. Не тот страх, который можно побороть. А тот, который уже принял своё. — Холодно мне... — прошептал он. — Макс, холодно. Он замолчал. А потом тихо,

почти безжизненно добавил: — Не знал... что мой конец будет таким. Что я умру на асфальте, как бездомная тень.

Я сорвал с себя майку. Ткань была тонкой, она разорвалась легко, почти беззвучно. Одну половину я прижал к ране Славы, вторую обмотал вокруг его плеча. Потом взял его на плечи. Я не чувствовал тяжести. Не чувствовал боли. Только ноги дрожали — крупно, противно, как будто земля под мной тоже дрожала, готовясь к чему-то неизбежному. Я сделал десять шагов. Потом ещё пять. Посмотрел на руки — они были в крови. «Слава теряет слишком много», — подумал я и ускорился. Но через несколько метров меня остановила резкая, острая боль. Я опустил его на землю. Посмотрел на своё правое плечо — из него тоже текла кровь. Тёмная, густая, она смешивалась с дождевой водой. Пуля. Она вошла тихо, без предупреждения, как входит предательство. И теперь напоминала о себе с каждым шагом, с каждым ударом сердца.

Я наклонился к нему, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Сейчас, Слава, сейчас. Мы уже в больнице... Ты только дыши. Только не закрывай глаза. Я врал. Мы были не в больнице. Мы были посреди улицы, и ни одна машина не останавливалась. Но врать было нужно. Потому что иногда ложь — единственное, что может удержать человека на этой стороне.

Слава вдруг дёрнулся. Его рука сжала мою с такой силой, что я почувствовал боль. — Дай руку! — хрипел он. — Обе-

щай! Обещай, что я увижу его! Что я не умру, пока не посмотрю ему в глаза! Он смотрел на меня дико — так смотрят только те, кто уже потерял всё, кроме ненависти. В его взгляде не было надежды. Только месть. И я понял: именно она держит его на плаву. Не вера, не любовь, не семья. Месть. Как рука, которая хватает утопающего за шкурку и не даёт ему уйти на дно.

— Увидишь. — Я сжал его руку в ответ. — Если не ты, то я. Я сделаю это за тебя. Ты только не закрывай глаза.

Он успокоился. Его взгляд стал пустым — как у человека, который уже принял свою судьбу. Я испугался, что он теряет сознание. — Слава! — крикнул я. — Слава, не закрывай глаза! Он не ответил. Я вытащил телефон, дрожащими пальцами набрал номер его отца. Виталий ответил не сразу — мне показалось, что прошла вечность. — Макс? Что случилось? — голос его был спокойным, но я слышал, как внутри этого спокойствия уже зарождается паника. — Мы ранены. Нужен врач. Тот, о котором Вы раньше говорили. Срочно. Я не ждал ответа. Я снова подхватил Славу на плечи и пошёл.

— Отлично сказано, Макс... — услышал я тихий, прерывающийся голос Славы. — Я не знал, что ты такой сентиментальный... Он замолчал на мгновение, а потом заговорил снова — медленно, словно повторяя заклинание, которое должно было защитить его от тьмы: — Смерть умна... она знает... она знает, что я не сдамся. Она ждёт, но я не приду.

— Ещё немного, Слава-джан. Ещё немного. Потерпи. Мы почти пришли. Ты только дыши.

Я нёс его по тротуару, шатаюсь, пытаюсь одной рукой махать проезжающим машинам. Ни одна не остановилась. Они проезжали мимо — быстрые, равнодушные, обдавая нас грязной водой. И в этом равнодушии было больше холода, чем в самом дожде. Прошёл почти час. Начало светать, когда мы добрались до города. Слава потерял сознание ещё на полпути — его голова безвольно свисала с моего плеча. Я сам не помню, как мы дошли. Помню только, как ноги отказывались идти, подкашивались на каждом шагу, а я всё равно шёл, потому что не имел права остановиться. Потому что если бы я остановился, мы оба бы остались там, на той улице.

Я очнулся от света. Белый, резкий, он бил в глаза, и я не сразу понял, где нахожусь. Комната была незнакомой, чистой, пахло лекарствами. Женщина убирала у кровати — она подметала пол, не глядя на меня. — Как Слава? — голос мой сорвался на хрип, прозвучал слишком громко в этой тишине. Она вздрогнула, отступила на шаг, потом засмеялась — видимо, я напугал её. — Жив, жив, — успокоила она. — Ваш друг жив. Всё будет хорошо. Но подробности пока не могу сказать, не спрашивайте. Её голос был мягким, тёплым, как утренний свет, который падал на пол, и в нём было что-то успокаивающее. Что-то материнское, что позволяло поверить сразу, без вопросов.

На следующее утро я поднялся по лестнице, нашёл дверь

с табличкой и вошёл, забыв постучать. Доктор сидел за столом, что-то писал, и от неожиданности поднял голову.

— Простите, — сказал я, чувствуя, как голос дрожит. — Доктор... здравствуйте. Вы свободны?

— Да, Макс, входи, — он отложил ручку и посмотрел на меня с внимательным, изучающим взглядом. — Что случилось? — Ничего особенного... — я закрыл за собой дверь, подошёл к столу. — Со мной всё в порядке. Я хотел спросить о Славе. У него есть шанс? Только скажите правду, доктор. Он будет жить?

— Макс, — он вздохнул и откинулся на спинку стула. — Ты задаёшь вопрос, на который никто не может ответить. Я сделаю всё возможное, чтобы он жил. И чтобы он был здоров. Это я могу обещать. Он улыбнулся — устало, но искренне. — Когда он очнётся, может быть, мы станем друзьями. Как с его отцом.

— Я тоже сделаю всё возможное, — сказал я, и в голосе моём прозвучала сталь, которой я не чувствовал внутри. — Если будут проблемы с деньгами — я помогу. Только скажите. Я смотрел на него и пытался понять: сказал ли он это просто так, чтобы я успокоился? Или за этим стояло что-то большее?

— Надейся, Макс, — сказал он тихо. — Иногда это единственное, что мы можем сделать.

Я хотел спросить ещё — но его голос был настолько уверенным, что вопросы ушли сами собой. Я почувствовал

странный покой. Не от знания, не от того, что всё будет хорошо. От доверия. От того, что рядом есть человек, который не бросит. Который будет здесь, даже если всё пойдёт не так. Я пожал его руку, вышел из кабинета и направился в палату Славы.

Ночью я не мог уснуть. Тишина в больнице была странной — не той, что успокаивает, а той, которая настораживает. Я лежал, смотрел в потолок, считал трещины, и вдруг услышал шёпот. Тихо, почти неслышно, но я почему-то сразу насторожился. Я встал, бесшумно вышел в коридор и пошёл на звук. Шёпот доносился из комнаты с полуоткрытой дверью. Я заглянул внутрь — и замер. Доктор стоял на коленях перед маленькой иконой. Он не знал, что я смотрю. Он был один. И он молился. А в конце молитвы я услышал его шёпот: — Помоги мне, Господи. Помоги исцелить их. Потому что они верят мне. А я не хочу их подвести

Я отошёл от двери так же тихо, как подошёл. Вернулся в свою палату, лёг, но сон не шёл. Я думал о том, что только что увидел. Раньше я знал доктора только как учёного, как хирурга, как человека, который управляет жизнью и смертью с помощью скальпеля. А теперь я увидел его другим. Слабым, молящимся, верящим. И это было странно. Потому что обычно доктора говорят больным: «Молитесь». А этот не говорил. Он просто молился сам. Каждую ночь. За всех нас. И в этом было что-то настоящее, что-то, что нельзя объяснить словами. Теперь я был уверен. Полностью, безогово-

точно уверен. Если доктор обещал стараться спасти Славу — он сделает это. Даже если для этого нужно будет сделать невозможное. Вера — она делает человека сильнее обстоятельств. Я понял это, глядя на его согнутую спину, на его руки, сжатые в молитве, на его тихий, но твёрдый шёпот, который не умолкал даже ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.